

Чэн Фэн на мгновение подумал, что Хуа Сюй услышал их утренний разговор и хочет, чтобы они оба убралась. Но, тщательно всё обдумав, он понял, что акцент был сделан на последней части фразы: «Долина Чэньфэн не держит бесполезных людей». Он немного успокоился, но его лицо не успело расслабиться, как Хуа Сюй пригвоздил его взглядом.

Он поднял на него глаза:

— Знаешь, почему я разрешаю тебе идти? Я слышал каждое слово утром... Ты всегда был добросовестным, все эти годы ты не сказал мне «нет». Почему ты изменился, как только он появился? Если так, как я могу тебе доверять? Простая ситуация превратилась в нечто большее из-за твоих интерпретаций. Ты стал нервным и осторожным передо мной... Ты не доверяешь мне или самому себе? В любом случае, сейчас тебе нужно хорошо подумать. Уезжайте сегодня. Я пока не хочу его видеть.

Он говорил всегда не спеша, даже когда злился, но именно это спокойствие сделало лицо Чэн Фэна белым. Мысль о том, что Глава долины ему не доверяет, напугала его.

Чэн Юй тоже выглядел обеспокоенным и невольно крикнул:

— Глава долины!

Хуа Сюй отставил чашку и блюдце, встал и, не оборачиваясь, произнёс:

— Уходите. Сейчас я не хочу злиться.

Он шел, заложив руки за спину, по багровой галерее, чувствуя необычное раздражение. Ему казалось, что чьи-то руки всё ещё держат его запястье, а слова Янь Юаньшу периодически всплывали в его голове: «У меня есть принципы. С тех пор как я сюда прибыл, я ни с кем не спал. Я хочу сохранить свою первую ночь для жены... Я не буду смотреть на тебя. В конце концов, ты из долины, и я боюсь, что ты будешь стесняться меня в будущем...»

Думая об этом, он чувствовал, что что-то не так. Что значит «с тех пор как я сюда прибыл»? Он же только вчера приехал. Как он мог сказать такое?

Он был настолько раздражен, что хотел схватиться за голову. Подойдя к Покою Саньшэн, он хотел пройти прямо в свою комнату, но вспомнил, что её уже заняли. Неохотно он свернул к двери восточной комнаты. Вчера он взял с собой несколько важных писем из долины. После обеда он обычно занимался делами. Подавляя эмоции, он взял кисть и начал писать, когда вдруг услышал снаружи резкий звук:

— Ууу... Ууу...

Хуа Сюй на миг зажмурился. С треском в его руке сломалась кисть из красного дерева. Встряхнув головой, он налил себе чаю и снова склонился над письмами.

«Деревня Юаньфан, житель Ли Дафу у входа в деревню, долгое время занимался резьбой по дереву. Пятнадцатого числа прошлого месяца к нему пришли с заказом, но он вежливо отказался, сославшись на болезнь правой руки. На следующий день его застали за рубкой дров, и заказчик вернулся. Дафу снова отказался, и под давлением заявил, что не умеет резать по дереву...»

— Ууу... Ааа... Ууу...

Звук снова доносился из соседней комнаты. Хуа Сюй не выдержал, швырнул письмо на стол и широким шагом вышел из комнаты.

Как только он вышел, звук изменился. Теперь он напоминал мелодию. Прислонившись к двери, он прислушался, чувствуя, как лёгкая грусть охватила его. Он вспомнил девушку, которая плакала за него три года назад, и те дни, когда его приютила какая-то богатая семья.

— О, кажется, я сыграл не ту ноту. Или это бамбуковая трубка течёт?

Хуа Сюй бросил взгляд на источник звука и увидел, что у двери его комнаты лежала куча мелких бамбуковых трубочек.

В этот момент у двери слышались лёгкие шаги. Это был Чэн Фэн. Хуа Сюй ещё раз посмотрел на бамбуковые трубки и вернулся в комнату, закрыв за собой дверь.

Услышав звук закрывающейся двери, Чэн Фэн почувствовал досаду. Он злился на себя и на Янь Юаньшу. Войдя в комнату, он раздраженно произнёс:

— Поехали. Глава долины велел мне взять тебя для расследования дел в городке Юаньфан.

Янь Юаньшу, не подозревая о беде, даже обрадовался:

— Что, так быстро появилось задание! Видимо, ваш Глава долины мне доверяет!

Чэн Фэн, видя его радость, не выдержал и съязвил:

— Ты что, умеешь писать или драться? Доверяет? Это больше похоже на проверку меня! Быстро собирай свои вещи, мы уезжаем!

Янь Юаньшу, не понимая серьёзности ситуации, хлопнул его по плечу:

— Знаю, знаю. Это всё благодаря тебе, доктор Чэн. Не волнуйся, всю чёрную работу в пути я возьму на себя!

Чэн Фэн оттолкнул его руку и с раздражением вышел за дверь, бросив на прощание:

— Я пойду за лошадьми. Главы долины нет, и мы едем по делам. Конечно, мы не поедем в карете. Готовь побольше вещей!

— Что готовить?

— Сам думай!

Этот крик донёсся уже со двора, звуча отдалённо.

Янь Юаньшу подумал, что езда верхом приведёт к боли в мышцах внутренней стороны бедра и ссадинам, поэтому он решил взять с собой мягкую ткань для защиты. Хотя господин Янь обычно был небрежен в быту, он очень заботился о своём здоровье. Поэтому, когда они сели на лошадей, Чэн Фэн был удивлён.

— Не смотри на меня так. Это для тебя.

Янь Юаньшу с улыбкой протянул ему две мягких подкладки с ремнями.

— Что? Ты, мужчина, занимаешься такими вещами?

— Я много чего умею. Не то что вы, эгоисты. Женщины рождаются не для того, чтобы делать такие вещи. Если это не сложно, почему бы мужчинам не делать это?

Он говорил так естественно, что Чэн Фэн был шокирован. Он с дрожью принял подкладки, но так и не решился надеть их на ноги.

Осенний дождь лил без остановки с момента их отъезда. Только на девятый день они добрались до городка Юаньфан. У входа в деревню висела табличка, похожая на современный указатель курорта. С одной стороны криво висели иероглифы «Юаньфан», а с другой — «Конный рынок». Ветер принёс с собой тяжёлый запах конского навоза, и Янь Юаньшу инстинктивно прикрыл рот и нос.

Но больше его беспокоили взгляды жителей. Они смотрели на них с отчуждением и настороженностью, совсем не так, как в деревнях, которые он посещал в детстве, где люди были дружелюбны и улыбались, словно тяжесть жизни была лишь миражем.

Он не хотел задерживаться и чувствовал, что что-то не так. Он дернул рукав Чэн Фэна и тихо сказал:

— Здесь явно что-то не так. Может, напишем письмо в долину, прежде чем действовать?

Чэн Фэн в дороге натёр ноги, и они горели болью, в то время как Янь Юаньшу оставался бодрым. Этот вопрос только разозлил его.

— О чём думать? Эти люди ничего не умеют, кроме как использовать грубую силу. Давай быстрее закончим и вернёмся!

Янь Юаньшу не совсем согласился с этим, но, видя его злость, лишь улыбнулся:

— Ладно, рано или поздно, но нужно это сделать. Я тоже хочу поскорее вернуться.

Чэн Фэн ничего не сказал и обнажил меч, который до этого был завернут в чёрную ткань. Это было явным признаком враждебных намерений. Увидев это, несколько жителей быстро побежали на восток.

Янь Юаньшу на секунду замер. Воспитанный в цивилизованном обществе, он привык к мягким методам. Он никогда не видел такого прямого подхода, но почувствовал странное возбуждение.

— Вперёд!

Чэн Фэн бросил лошадь и, используя легкую ступню, рванул за ними. Янь Юаньшу, поддавшись азарту, чуть не последовал за ним, но вовремя остановился, вспомнив поговорку: «Семь раз отмерь, один раз отрежь».

Он развернулся и неспешно пошёл продавать лошадь.

— Молодой человек, твоя лошадь хорошей масти. Если будет ещё, продавай мне!

— Конечно, вы мне приглянулись. Вы напоминаете мою соседку, поэтому цена справедливая.

— О, какой ты приятный! Я запомню. Приезжай ещё!

Янь Юаньшу всё время улыбался, был вежлив и обходителен. Некоторые жители стали смотреть на него менее враждебно. Однако один из них подошёл и сказал:

— Торговать можно, но долго задерживаться нельзя. Ты продал лошадь, теперь уходи.

Этот человек был крепкого телосложения, и даже через грубую ткань можно было разглядеть рельеф мышц на его руках.

— Брат, вы ошибаетесь. Я собираюсь уйти, но взял деньги за услугу, и должен отдать их своему хозяину, когда он вернётся. Вы же понимаете, так правильно?

Мужчина нахмурился:

— Тот, кто вдруг взлетел, как на тресе, — твой хозяин?

<http://bllate.org/book/16872/1554963>